

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВА ИСПИТЬ ЧАШУ ДО ДНА

Все события и действующие лица романа вымышленные

Часть первая

ГЛАВА 1

Серое влажное утро. Тяжелый воздух липнет к земле. Утро не дышит из-за не пролившихся за ночь слез. Лиля выпустила из рук плотную штору, и она закрыла кусочек окна, сквозь который Лиля смотрела на мир. На странный, неузнаваемый, не узнающий ее мир. Без него.

Лиля включила верхний свет в спальне, сняла длинную ночную рубашку из легкого шелка, бросила ее на широкую кровать. Муж Илья говорит, что рубашку темно-фиолетового цвета могла купить только женщина, уверенная в том, что ей идет абсолютно все. Лиле нравится этот цвет, эта рубашка, и ей идет и правда все. Она подошла к зеркалу во всю стену и строго, придирчиво рассмотрела свое отражение. Как странно. Она засыпает на рассвете, сразу проваливается в один и тот же кошмар, просыпается в испарине, в горячечной тоске. Сворачивается в клубок, старается дышать ровно и притворяется спящей, пока Илья не уйдет на работу. Только, когда хлопнет входная дверь, она открывает глаза, встает, смотрит в окно, затем подходит к зеркалу. И всякий раз готова увидеть изможденное, сожженное мукой лицо старухи, тело калеки, по которому жизнь проехала катком... А видит все то же молодое и красивое лицо: правильный, нежный овал, карие бархатные глаза, полные, яркие губы, тело, как у античной статуи, без единого пятнышка и волоска, округлые бедра, полная грудь, плоский живот... Он не увеличился? Еще как будто не должен... Да, ей видимо повезло. В одном. Она даже не ухаживает за собой, как положено, просто «носит» аккуратно свою внешность. Как одежду, которая никогда не выглядит поношенной, сколько бы раз ее не надевала. Внешность и есть одежда человеческой сути.

Лиля провела обеими руками по волосам, подняла их над гладким лбом и вновь услышала голос матери, как будто кто-то каждое утро нажимал кнопку диктофона в ее мозгу: «Будь проклята твоя красота! Из-за нее ты отказалась поступать в институт, из-за нее у тебя нет нормальной профессии, из-за нее у тебя нет нормальной семьи, как у других женщин. У тебя все не так! Мне сказали, что я умру, если рожу тебя. Но мы так хотели ребенка... Я была готова умереть, чтобы дать тебе жизнь. Я не думала, что увижу свою дочь в таком несчастье...»

Мама осеклась, заплакала, не сказала страшных слов о том, что Лиле лучше было не родиться. То есть она их почти сказала тогда. И сейчас сердце Лили забило гулко, больно. Тогда она хотела выбежать из комнаты, чтобы не слышать больше ничего, но не смогла. Ноги отказались идти. И так продолжалось два месяца. К ним ходили врачи, ее куда-то возили на обследование, не могли поставить диагноз! Она целыми днями лежала на мокрой от слез подушке, а мама бегала, нервничала, пила сердечные капли, пыталась чем-то ее накормить, уводила из спальни дочку Вику, чтобы та не видела Лилю в таком состоянии.

Все изменилось, когда пришел Илья и сказал, что останется с Лилей навсегда. Что она поправится, встанет, и все у них будет хорошо. А пока лучше Вике пожить у Лилиной матери. И всем успокоиться. Других вариантов нет. Они послушались. Он, как всегда, оказался прав. Чего это ему стоило, знает только он один. Илья на месяц оставил фирму, он навсегда оставил свою семью. Когда Лиля встала, они зарегистрировали брак. С первой женой брак был гражданским. Это оказалось единственным импульсивным поступком в жизни очень разумного, логичного, уравновешенного Ильи. Потеряв однажды все, как ему

казалось, он хотел хоть кому-то быть полезным... Восемь лет назад он праздновал помолвку с двадцатилетней красавицей Лилей. Все было на высшем уровне. Лиля в длинном синем платье с глубоким декольте чувствовала себя замужней дамой и уже почти «как за каменной стеной». Илья – на десять лет старше – идеально ее оттенял. Все восхищались прекрасной парой. В разгар вечера в квартире появился младший брат Ильи – Андрей. Он вернулся из-за границы, где бросил очередной университет. Он был путешественник, путаник, охотник за счастьем, и невероятно хорош собой. Они с Лилей сошли с ума оба в одну минуту. И ушли с той помолвки вместе, разбив сердца Илье, родителям... Лилия и Андрей поженились без всяких помолвок. Когда у них родилась девочка, Илья решил и свою судьбу: он стал жить с вдовой погибшего друга, которая осталась одна с тремя детьми.

Полгода назад Лилия осталась без Андрея, перестала ходить, не хотела жить. Илья занял свое место рядом с ней. Разумеется, теперь он содержал две семьи. Да, у них с Лилей – настоящая семья. Илья терпеливо ждал, пока она сама скажет, что он ей нужен не только, как нянька, помощник, близкий родственник, но и как муж. Они оба не сомневались в том, что она забеременела в первую же их ночь. Так было и с Андреем.

Лилия прижала руку к животу. Это девочка, она точно знает. Она почувствовала ее в первые недели. И сразу сказала Илье:

– У нас по маминой линии рождаются только девочки. У мамы, у бабушки, прабабушки. Но, главное, я чувствую, что это наша дочка. Как с Викой. С мальчишкой было бы иначе. Я даже не буду делать лишний раз УЗИ, беспокоить ее.

– Конечно, – ответил Илья. – Я не сомневаюсь, что ты права. Ты так последовательна во всем.

Доченька живет в ней уже два месяца. Они с Викторией станут друг другу и родными и двоюродными сестрами. Лилия всегда будет любить Илью, она будет скрывать от него, как рвется и тоскует ее душа по Андрею.

– Боже мой, – сжимает она руки. – Где ты? Как ты мог меня оставить? Я к тебе приросла. Ты не имел права погибнуть. Если ты погиб...

ГЛАВА 2

Она вышла из ванной в черном махровом халате, сварила себе кофе, после первой чашки в груди потеплело, она оглянулась и подумала о том, что надо, наконец, выйти из дома и купить что-то яркое на кухню. Вазу для фруктов, например, забавную картину на стену, новый плед на диван. Потом позвонила маме и сказала, что после зимних каникул Вике лучше вернуться домой. Мама явно загрустила.

– Ну, тогда переезжайте к нам вместе. Действительно: что тебе сидеть там одной.

– Время еще есть, подумаем, – примирительно сказала Ирина Викторовна. Понятно, ей хорошо с внучкой и она боится что-либо менять после того, что они все пережили.

Лилия вошла в гостиную, села перед журнальным столиком, на котором стояли фотографии в серебряных рамках. Вот ее любимая: молодые родители, между ними она, серьезная, сосредоточенная, с огромной куклой Зоей. Лилия не выпускала ее из рук, даже когда пошла в школу. Она взяла фото и прижала его к губам. Тогда они были счастливы. Мама родила ее, действительно рискуя своей жизнью. У Ирины Викторовны тяжелый порок сердца, она пролежала на сохранении практически все девять месяцев. Ее наблюдал очень опытный врач, он присутствовал при родах и сказал ей:

– Ирочка, все получилось. Ты справилась и родила красавицу. Девочка – просто цветок.

– Лилия, – прошептала мама.

А папа никогда не болел. Когда сбылась их с женой мечта, – родилась дочка, да еще такая удачная, – он хватался за все. Работал без выходных и отпусков. Он хотел сделать Лилию счастливой, чтобы она ни в чем не нуждалась, чтобы замуж вышла по любви и не

зависела от мужа. Эту квартиру он подарил дочери на восемнадцатилетие. Вскоре из армии поклонников Лиля выделила Илью, который нравился родителям не меньше, чем ей самой. А через два года она внезапно вышла замуж за Андрея, брата Ильи. Их безумная страсть почему-то была не слишком похожа на безмятежное счастье, о котором мечтали для Лили родители. К тому же они очень переживали из-за Ильи. Но отец продолжал работать, почти иступленно. Теперь он старался всем обеспечить не только дочь, но и внучку. Ему не было сорока семи, когда он, въехав во двор своего дома, не вышел из машины. Ирина Викторовна, которая, как всегда, смотрела в окно, ожидая его, выбежала на улицу. Дверцу машины пришлось вскрывать. Муж был мертв. Загнал себя.

– Бедный мой папочка, – у Лили дрогнул подбородок, повлажнели глаза. Она считала себя виновной в его смерти. В том, что жизнь ее родителей очень быстро перестала быть похожей на сказку с девочкой-цветком.

Лиля помнила себя очень рано. У нее был чудесный характер, спокойный и доброжелательный. Мама, преподаватель математики, оставила работу, чтобы все время посвящать ребенку, и очень умело развивала ее способности. Папа, человек с широким кругозором, открывал для дочки мир, как будто между ними не существовало разницы в возрасте, в опыте. Лиля в школе стала отличницей, ее любили учителя к ней тянулись одноклассники, она была интеллигентной, демократичной и скромной. Мама задолго до окончания школы стала выбирать для нее институт, профессию: «МГУ? Мед? А, может, ВГИК?..» Лиля со всем соглашалась. Но однажды ее остановил на улице человек, оказавшийся известным художником. Она тогда закончила седьмой класс. Он предложил ей позировать для одной работы, пришел к ним домой, поговорил с родителями, пригласил их в мастерскую. Они отнеслись к его предложению как к эпизоду. Лилю постоянно куда-то приглашали: то сниматься в детском кино, то в телепередаче. Ирина Викторовна сказала:

– Ну, как хочешь. Если тебе это интересно. Художник действительно хороший. Но это тяжелая работа. И я, конечно, буду ходить с тобой.

Картину купил зарубежный музей. Потом была другая картина, другие художники. Вскоре Лиля поняла, что это занятие стало серьезной частью ее жизни. Она помогала появиться на свет другим девочкам, девушкам, женщинам... Они были похожи на нее, но все – со своей судьбой, своим счастьем или несчастьем. Она всегда внимательно выслушивала замысел будущего полотна, научилась работать на этот замысел. И после выпускного вечера спокойно сказала маме:

– Я не буду никуда поступать. У меня уже есть профессия.

Возможно, для родителей это было катастрофой. Но они приняли ее решение. У каждого – свой талант и свое призвание. Деньги за работу она стала брать только после восемнадцати лет. Когда она вышла замуж за Андрея, самостоятельный заработок ей очень пригодился. Андрей был человеком горячих идей и страстей. Мог увлечься серьезным проектом, заработать большие деньги, мог спустить их за пару дней на скачках или в казино. Мог разочароваться в деле и месяцами читать редкие книги по истории, логике, философии... Лиля никогда не протестовала, но бреша в семейном бюджете старалась скрывать от родителей, заполнять собственным заработком.

Кстати, ей вчера звонил один художник, спросил, не собирается ли она вернуться к работе. Она обещала. Вдруг ей очень захотелось погрузиться в атмосферу мастерской, где пахнет краской, где валяются наброски, скрывающие до поры тайну... И она там нужна, от нее многое зависит... Лиле стало почти хорошо. Возможно, она выбирается из своего провала, возможно, наступит спокойная и ясная жизнь... Илья, мама, Вика... Она обязательно познакомится с бывшей женой Ильи, ее детьми. Они будут дружить, помогать друг другу. Лиля протянула руку к мобильному телефону, чтобы позвонить Илье. Она почти никогда не звонила ему сама. А сейчас... Сейчас он сразу поймет, что в ней все изменилось, повернулось к жизни...

Но она не успела. Зазвонил домашний телефон. Совершенно незнакомый голос спросил:

– Лилия Александровна? Добрый день. Вас беспокоит следователь отдела убийств Вячеслав Михайлович Земцов. Вы не могли бы к нам подъехать?

– Что случилось?

– Убита Валерия Осипова. Вы были знакомы?

– Я видела ее два раза.

– Давайте поговорим об этом не по телефону.

– Но что я могу сказать?..

– Что сможете, то и скажете. Это обычная практика. Мы опрашиваем всех знакомых. Запишите, пожалуйста, адрес. Когда вы могли бы приехать?

– Сегодня.

ГЛАВА 3

Илья три раза возвращал на доработку проект детского спортивно-развлекательного комплекса. Сейчас он внимательно рассматривал четвертый вариант, пытаясь в уме выстроить замечания так, чтобы они, наконец, были поняты. Архитекторы смотрели на него довольно грустно. Илья поднял глаза и улыбнулся.

– Мы немного продвинулись вперед. Но мне кажется, что в этой работе была допущена ошибка в самом начале. Прошу не воспринимать то, что я скажу, как попытку кого-то обидеть. Но, друзья, вы точно видели детей? Представляете, какого они размера, какие у них привычки, как их требуется обезопасить от самих себя? Ну, вот эти ступени, этот зал, вполне интересный с архитектурной точки зрения, эта пирамида, – однозначно эксклюзивная, – разве нормальный взрослый человек отпустит сюда ребенка младшего школьного возраста? А комплекс рассчитан и на дошкольников. Как отец скажу: ни-когда! У меня такое предложение. Взять тайм-аут. Походите по детским площадкам, спортивным залам в школах и садах, посмотрите, как ведут себя детишки, как падают, как играют. Давайте вернемся к проекту через неделю. Время есть. Извините, я отвечу, это жена звонит... Да, Лилия. Что? Я не понял. Подожди минуту. Я тебе перезвоню, – он не сразу смог переключиться. – Все свободны. У меня серьезный разговор с женой, прошу прощения.

Когда сотрудники вышли, Илья закурил, пытаясь успокоиться. Хотя покой и Лилия – для него вещи несовместимые. Он ничего не понял из того, что она сказала, кроме одного: случилась очередная большая неприятность. Он набрал ее номер.

– Лилия, у меня было совещание, я, наверное, чего-то не понял. Кого вызывают в отдел убийств?

– Меня, Илюша.

– Ты действительно знала женщину, которую убили?

– Давай я к тебе заеду и все объясню.

Она вошла в его кабинет через час. Сбросила на спинку стула черное пальто на искусственном леопардовом меху – Лилия не носила шкуры убитых животных, – села перед ним ровно, как школьница на уроке. Лицо бледное, взгляд беспокойный.

– Ты только не волнуйся, – быстро сказал Илья. – Дело в том, что по любому убийству опрашивают множество случайных людей. Кто-то назвал тебя в числе ее знакомых, поэтому тебя вызвали.

– Я понимаю. Просто я не успела тебе рассказать. Или даже не хотела... Валерия Осипова – дочь декана института, где пару лет учился Андрей. Они встречались, он сам мне рассказал. Это было еще до нашей с ним встречи. Потом... В общем, недавно, примерно год назад, мне сказали, что их видели вместе. Я ничего у него не спрашивала. Он вскоре должен был лететь в Канаду от фирмы, где в последнее время работал. Сказал, что рейс днем, не нужно его провожать. Но мне очень захотелось... сюрприз ему сделать.

Потом я поняла, что таких сюрпризов мужьям делать нельзя. Я вошла в зал в тот момент, когда к Андрею подошла женщина... Они обнялись. Я плохо ее рассмотрела. Тут же ушла. Дома нашла по Интернету фото Валерии Осиповой в социальных сетях.

– И это все?

– Нет. Ты знаешь, как погиб Андрей. Мы поехали в мае, как всегда, в Киев, он очень любил цветущие каштаны, Днепр...

– Лиля, зачем ты это рассказываешь? Я знаю, как утонул мой брат. Он решил переплыть Днепр, была холодная вода...

– Да. Мы с Викой ждали его на берегу четыре часа. Потом появились спасатели... Я плохо все помню... Они не нашли его ни в тот день, ни потом. Искали долго. Мы жили там две недели. Папа приехал... Всех поднял на ноги.

– Лиля, я знаю.

– Ты не знаешь, о чем я тогда подумала. Я подумала, что он не мог утонуть. Он отлично плавал, для него это не расстояние. Была нормальная погода. И потом: его бы нашли. Я решила, что он меня бросил. Переплыл на другой берег, там могла быть приготовлена другая одежда, документы... он мог куда-то уехать с ней.

– Что дальше?

– Дальше я болела, как ты помнишь, не могла ходить... А потом... Я стала искать Валерию: есть ли она в Москве. Нашла в «Одноклассниках». Она писала, что работает в лаборатории диагностического центра, не замужем. По фамилии я нашла домашний телефон, по нему – адрес, приехала к ней. Мы разговаривали. Я спрашивала, где Андрей. Мне кажется, я кричала на нее.

– Ты не помнишь, что говорила?

– Нет. Не помню. Это был кошмар. После этого мне каждую ночь снится, как он выходит из воды, она бежит к нему, потом... Потом они иногда пытаются утопить меня. Иногда я пытаюсь задушить ее. Недавно мне приснилось, как они уводят от меня Вику.

– Тебе это снится каждую ночь?! Рядом со мной?

– Да, дорогой. Как я могла тебе такое рассказать.

– Тебя кто-нибудь видел? В квартире кто-то был?

– Квартира большая. Я помню только, что требовала, чтобы она меня провела по всем комнатам. Она возмущалась, даже смеялась... Или мне показалось. Я не знаю, был ли там кто-то еще. Я была, как безумная. Я считала, что там Андрей.

– Лиля, ты сказала, что кричала. Ты могла ей угрожать?

– Я ее проклинала, думаю... Но я не вспомню точных слов.

– Мы поедem к следователю вместе. Ты сейчас в возбужденном состоянии, тебе все кажется страшно драматичным. А вопрос у следователя к тебе, скорее всего, самый формальный. Просто кто-то сказал, что ты к ней приезжала. Наверное, в квартире кто-то был.

– Да, думаю, кто-то сообщил. Иначе как бы они узнали.

– И больше ты с ней не виделась?

– Нет.